

Время от времени снабжая брата деньгами, он отвечает на его письма редко и весьма непространно, оставляя без внимания жадные вопрошения о новостях литературных. Поскольку письма из Петербурга посылаются исключительно официальным путем, то есть доступны для чужих глаз, это не может не сдерживать его перо.

«...Лучше вовсе не писать, чем писать подобное», – обронит он в одном из своих посланий, отправленных, наконец, с оказией. Переписка оживится, когда, во-первых, появятся *тексты*, а во-вторых – реальная перспектива их публикации. Старший становится ревностным литературным агентом младшего брата, верным ходатаем по всем его журнальным делам.

Приезд Достоевского в Петербург в самом конце 1859 г. вновь решительно изменит судьбу Михаила Михайловича – как это уже однажды случилось в конце сороковых, когда он по настоянию брата перебрался в северную столицу. Он *тоже* возвращается в литературу. Сделать это тем проще, что оба некоторое время жительствоуют в одном доме. («Время», а после его запрещения «Эпоха» – это журналы *братьев Достоевских*, где старший, являясь официальным издателем и редактором, добровольно вверяется вкусам и мнениям младшего.)

Зато Мих-Мих берет на себя все денежные заботы, что, натурально, побуждает иных из сотрудников характеризовать его как «порядочного мерзавца», «мошенника и барышника» и т.п. Даже вполне лояльно настроенный к редактору «Эпохи» Н.Н. Страхов замечает в частном письме от 25 июня 1864 г., что «Михайло просто кулак», который «рад выезжать на других». Через две недели М.М. Достоевского не станет – и тот же Страхов с горестью заметит, что он умер «прямо от редакторства» (в частности, от запрещения цензурой его, Страхова, очередной статьи). Ему было сорок четыре года.

Достоевский в письме к брату Андрею тоже указывает на, так сказать, общественную подоплеку ранней кончины старшего брата. И, прежде всего, на запрещение «Времени» в 1863 г., которое «его тогда как громом поразило». Недаром брат Михаил «весь последний год был постоянно в тревоге, волнении, опасениях». При этом почему-то не говорится еще об одном постигшем покойника горе – смерти от скарлатины десятилетней любимой дочери Вари.

«Тоска томит нас обоих, – пишет Мих-Мих Достоевскому в марте 1864 г. – точно душа наша отлетела от нас. Каждый день я плачу по Варе. Это был ведь наш последний ребенок. Чуть только останусь один, так она и вертится передо мною с своей гримаской, за которую я обыкновенно называл ее: «нос!» Бедная маленькая Люшка». В семье, где росли автор и адресат этого письма, из восьми детей умер только один ребенок – что по тем временам, имея в виду обильную детскую смертность, скорее исключение из правил. У Михаила Михайловича умерли пятеро. Последнего ребенка он не переживет и на полгода.

Проводивший в 1864 г. лето на даче в Павловске, он почувствует себя плохо во вторник 7 июля, а умрет в пятницу, 10-го. Никто из домашних не ожидал печальной развязки. Но приехавший доктор отозвал Достоевского в сторону и объявил ему, что нет никакой надежды. Он сказал, что больной «уже ощущает сонливость, что к вечеру он заснет и уже более не проснется». Врач не ошибся.

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем,
И я теперь на голой вышине
Стою один, – и пусто все кругом.

Он мог бы повторить эти тютчевские строки, если бы тогда они уже были написаны. В апреле умирает жена, в июле – брат. Достоевский остается один.